

2-4 ФЕВ 1972

г. Москва

Газета No

наши гости

С КОМЕДИЙНЫМ БЛЕСКОМ

ПОСТАНОВКУ шуттгартского балета «Укрощение строптивой», которой театр завершает свои гастролы, можно с полным правом назвать блистательной. Танцы, сочиненные Джоном Крэнко, исполнение артистов — все пронизано шекспировским юмором, смелым, полнокровным, утверждающим радость бытия. Первая встреча Катарины и Петруччо, их дуэт — подлинный фейерверк остроумия, смеха. Катарина — Марсия Хайди и Петруччо — Ричард Крэган вызывают восхищение не только виртуозным исполнением и безукоризненным прочтением сложнейшего хореографического текста, но и проникновением во внутренний мир своих героев, настоящим большим артистическим талантом. Марсия Хайди не боится смелых и даже рискованных ситуаций, в которые попадает героиня. С подлинным комедийным мастерством она проводит острейшие буффонные сцены, нарочито подчеркивая в пластике угловатость, даже неуклюжесть своей Катарины, сохраняя при этом

трогательность и обаяние женственности.

Ричард Крэган — ее достойный партнер. Его Петруччо темпераментный, дерзкий, остроумный. В нем чувствуются внутренняя сила, искренность и нежность. Вот настоящие герои, яркие личности!

Великолепно поставлена сцена венчания. Здесь почти «дословно» в действенном танце воплощен шекспировский текст, рассказ Греммо о «столь дикой свадьбе» Катарины и Петруччо, когда священник

От перепугу требник уронил,

Когда ж нагнулся, чтоб

поднять его,

Жених ему такого дал пинка,

Что поп свалился наземь вместе

с книгой.

В этой сцене столько выдумки, остроумия, неожиданностей, она так блистательно разыграна всеми ее участниками, что хохот в зрительном зале не смолкает. Не менее комична и сцена испытания жен. Кротость Катарины — Хайди по отношению к мужу совсем не означает ее смирения вообще. Она от-

нюдь не сломлена и не поработена, она просто полна любви и желания доставить радость своему мужу. Поэтому она не только является по первому его зову сама, но еще и заставляет прийти строптивых, капризных жен. Она точно исполняет приказ Петруччо: «Танцуйка их сюда. А не пойдут — пинками их гони без церемоний».

Да, в спектакле много пинков, потасовок, хохота, проделок, буффонады. Но вспомним комедию Шекспира, она сама близка к фарсу. В ней героиня раздает пощечины, дерется, падает с лошади, барахтается в грязи, а герой «отчаянно божится», «дует вино», буянит. Но вряд ли балет так же, как комедию Шекспира, можно полностью отнести к фарсовому жанру. И у Шекспира, и у Крэнко есть искренность чувств любви и нежности, закончивших борьбу двух сильных характеров. Есть она и в исполнении артистов. Очень тонко поставлен последний дуэт Катарины и Петруччо. В нем нет слащавости и идилличности. Ката-

рина опять «взрывается», но теперь Петруччо умиряет ее лаской и нежностью. Танец удивительно точно следует существу шекспировской мысли: не слепая, рабская покорность, а любовь и согласие движут поступками «укрощенной» Катарины. Героиня Марсия Хайди не лицемерит, она действительно нашла счастье в любви. В монологе Петруччо — Ричарда Крэгана слышатся слова Шекспира, раскрывающие смысл комедии. На вопрос потрясенных превращением Катарины действующих лиц комедии: «Что же сулит такое чудо?», Петруччо отвечает: «Сулит оно любовь, покой и радость... Ну, словом, то, что называют счастьем».

Яко и талантливо оркестрована партитура балета композитором Куртом Хайнцем Штольце по мотивам Скарлатти.

Спектакль еще раз подтвердил высокое профессиональное мастерство труппы и яркий талант хореографа Джона Крэнко.

А. ДАШИЧЕВА.